Notre Drame? Кого винить и о ком скорбеть, когда умирает собор

АННА АНДРЕЕВНА КИРЗЮК[1]

✉ KIRZYUK@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-4946-2148

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Кирзюк, А. А. (2019). Notre Drame? Кого винить и о ком скорбеть, когда умирает собор. *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 328–343.

Статья посвящена реакции русскоязычной и франкоязычной аудитории на пожар в соборе Парижской Богоматери. Автор исследует альтернативные версии причин пожара, а также проявления «оппозиционной скорби». Носители альтернативных версий, не удовлетворившись официальным объяснением произошедшего (случайное возгорание), нашли в катастрофе целесообразность и смысл с помощью языков конспирологии и религии. Носители «оппозиционной скорби» пытались оспорить драматический статус, присвоенный пожару политиками, большими СМИ и миллионами рядовых пользователей, коллективно скорбящих онлайн и офлайн. «Оппозиционеры» предлагали альтернативные объекты сопереживания и помощи и альтернативные определения того, что следует считать национальной или мировой драмой. Анализируя такие высказывания, автор замечает, что внимание СМИ, готовность правительств и больших корпораций помогать жертве катастрофы воспринимается «оппозиционерами» как ценный ресурс, который следует перераспределить, то есть отнять у собора и направить на другие, более достойные объекты. В роли этих «альтернативных объектов» могут выступать другие памятники архитектуры, страдающие от бедности соотечественники или жители стран Третьего мира, но «оппозиционное» высказывание строится по одной модели: «настоящая драма — это X, эмоции и деньги нужно расходовать не на Нотр-Дам, а на X».

Ключевые слова: пожар в Нотр-Дам, медийная катастрофа, теория заговора, оппозиционная скорбь, альтернативные объекты скорби

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС.

Notre Drame? Whom to blame and whom to grieve about when a cathedral dies

Anna A. Kirzyuk[1]

✉ kirzuk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Kirzyuk, A. (2019). Notre Drame? Whom to blame and whom to grieve about when a cathedral dies. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 328–343. (In Russian).

The article focuses on the reaction of Russian-speaking and Francophone audiences to the fire in Notre Dame Cathedral. The author explores alternative versions of the fire and manifestations of "opposition grief". Unsatisfied with the official explanation of the incident (an accidental fire), the carriers of the alternative versions found meaning in the disaster using the languages of conspiracy theories and religion. The bearers of "opposition grief" tried to challenge the dramatic status assigned to the fire by politicians, large media and millions of ordinary users collectively mourning online and offline. The "opponents" offered alternative objects of empathy and help and alternative definitions of national or world drama. Analyzing such statements, the author notes that the attention of the media, the willingness of governments and big corporations to help the victim of the disaster are perceived by the "opposition" as a valuable resource that should be redistributed, that is, taken away from the cathedral and spent on other, more worthy objects. The role of these "alternative objects" can be played by other monuments, disadvantaged compatriots or residents of the Third World countries suffering from poverty. In any case, the "opposition grief" statements are based on the same model: "the real drama is X, emotions and money should not be spent on Notre Dame but on X".

Keywords: fire in Notre Dame Cathedral, media disaster, conspiracy theory, "opposition grief", alternative objects for grief

Вечером 15 апреля в Париже произошло событие, которое вряд ли кто-то мог предсказать. Загорелся всемирно известный Собор Парижской Богоматери. Согласно официальной версии, возгорание произошло случайно, предположительно — из-за короткого замыкания или из-за неосторожно брошенной кем-то из рабочих сигареты (в соборе проводились реставрационные работы). Пожарным не удалось быстро справиться с огнем: полностью он был потушен только к утру 16 апреля. В результате обрушился шпиль, была повреждена часть кровли и внутреннего убранства собора.

Пожар в Нотр-Дам стал глобальной «медийной катастрофой» [Ellis 2001; 2002]: благодаря любительским видео в соцсетях и репортажам в СМИ миллионы людей в разных частях земного шара могли наблюдать в

The study was conducted as part of the research work "Folklore/post-folklore in the cultural space of the city in the 20th — 21st centuries: narrative and behavioral strategies" in the Laboratory for Theoretical Folklore Studies of the School of Actual Humanitarian Studies of the Institute of Social Sciences RANEPA.

режиме онлайн, как огонь разрушает собор с 800-летней историей. Наиболее заметной первой реакцией на катастрофу были потрясение и отчаяние: «Невозможно поверить, что уже два часа горит Нотр-Дам. Смотреть на это физически больно»[1]. Однако уже через несколько часов после возгорания появились альтернативные объяснения причины пожара. Чуть позже разразились дискуссии о том, стоит ли пострадавший собор тех эмоций, которые на него направлены, и тех денежных средств, которые французское правительство собрало на его восстановление.

О таких альтернативных объяснениях и интернет-дискуссиях и пойдет речь в этой заметке. Первая ее часть посвящена текстам, авторы которых пытаются найти в случайном возгорании собора целеполагание и смысл. Во второй части речь пойдет о текстах, где оспаривается статус мировой драмы, присвоенный пожару большими СМИ, и предлагаются альтернативные объекты для скорби.

Материалом послужат посты русскоязычных и франкоязычных пользователей Twitter и Facebook, а также публикации в российских и французских электронных СМИ.

В поисках смысла: божья кара, знак свыше и козни злодеев

После катастрофических событий начинается процесс, который социальные психологи Гордон Олпорт и Лео Постмэн называли «погоней за смыслом» (*effort after meaning*) [Allport, Postman 1947]: люди стремятся обнаружить смысл в тех событиях и явлениях, которые плохо укладываются в их привычную картину мира. После масштабных медийных катастроф поиски смысла становятся массовыми — как это было, например, после терактов 11 сентября [Ellis, Fine 2010][2].

В распоряжении аудитории есть несколько объяснительных схем, позволяющих наделить подобную ситуацию смыслом. Во-первых, мы можем проинтерпретировать катастрофическое событие как результат целенаправленных действий неких злонамеренных лиц. Если в традиционных обществах такие объяснения часто принимают форму обвинений в колдовстве, то современные интернет-пользователи обращаются к теориям заговора. Во-вторых, мы можем решить, что событие стало результатом деятельности некоторых «нечеловеческих» трансцендентных агентов, и тогда нам придется прибегнуть к словарю той или иной религии и осмыслить событие в терминах «божьей кары», «провидения», «кармы» и т. п.

Вопрос о соотношении конспирологии и религии обсуждается уже довольно давно и вряд ли имеет однозначное решение [подробнее об этом

[1] Л.К., пользователь Facebook, пост от 15.04.2019.

[2] Сравнение трагедии 11 сентября, унесшей тысячи человеческих жизней, с пожаром в Нотр-Дам, во время которого пострадал только памятник архитектуры, может вызвать понятные этические вопросы. Оправданным его делает символический статус собора (который воспринимался одновременно как символ Парижа, Франции, «высокой» европейской культуры, католицизма, христианства и многого другого) и объем медийного внимания.

Илл. 1. Пост пользователя социальной сети Twitter 16.04.2019 с подписью «Для горящего собора мы смогли собрать сотни миллионов евро за несколько часов... Но ни одного евро для ребенка, умирающего от голода!»[3]

см. Панченко 2015a: 124; 2015b]. Однако можно утверждать с уверенностью, что теория заговора и религия выполняют как минимум одну общую функцию — поддерживают телеологическое представление о мире. Поиски «подлинных» причин пожара в Нотр-Дам стали наглядным тому подтверждением: именно конспирология и религия стали «языками», с помощью которых люди смогли увидеть в катастрофе целесообразность и смысл.

«Нечеловеческий агент» посылает кару или знак. Обнаружение в катастрофе такого масштаба невидимой воли «нечеловеческого агента» нередко становится «спонтанной» реакцией верующих. Как написала одна французская пользовательница, «когда я увидела пожар по телевизору, не знаю почему, но я сразу поняла: это божественное

[3] https://twitter.com/mymy_damba/status/1118259441168732165

вмешательство»[4]. Убедительности такой трактовке прибавил тот факт, что пожар произошел в первый день Страстной недели.

Во Франции идея пожара как знака, посланного свыше, или кары за грехи, высказывалась главным образом религиозными деятелями (публицистами, проповедниками, священниками) и почти исключительно — на узко тематических ресурсах с названиями типа «ВстретитьБога.ком» (RencontrerDieux.com) или «Католикопедия» (CatholicaPedia Blog). В больших СМИ подобные идеи не обсуждались.

Иначе дело обстояло в России, где интерпретация пожара как кары и/или знака свыше обсуждалась на страницах изданий с многомилионной аудиторией и на государственных телеканалах. Интересно, что российские адепты этой идеи, в большинстве своем далекие от религии по роду своей профессиональной деятельности, проявляли гораздо бо́льшую осведомленность в вопросах божественного замысла, чем французские католики. Французские религиозные деятели или пускались в общие рассуждения об упадке христианских ценностей, или ограничивались риторическими вопросами о причине посланной свыше кары. Например, Патрик Шове, священник собора Парижской Богоматери, сказал в интервью каналу Россия-24: «Я спрашиваю бога: “За что нам такое наказание? Почему?” Думаю, что получу ответ на этот вопрос, когда попаду на небеса»[5]. В отличие от него, российские журналисты, политики и эксперты уверенно называли конкретные причины божественной кары, обрушившейся на Францию. Так, доктор исторических наук Наталья Нарочницкая[6] в интервью популярному изданию «Аргументы и факты» указала на эти причины весьма безапелляционно:

> То, что главный католический храм Европы сгорел в Страстную неделю католической Пасхи, — грозное предзнаменование, словно указание с неба: одумайся, Западная Европа, куда ты идёшь?! Ты разве та, какою была, когда строился этот собор, с молитвой, в течение полутора веков? Сегодня порок победно шествует по твоим улицам, а христианские ценности запрещается выражать прямо, поскольку это «неполиткорректно» ‹…› Произошедшее — это действительно расплата за небрежение к своим корням, нравственным ценностям ‹…› Европа оскудела духом, погрузилась в потребительство и гедонизм [Кожемякин 2019, 23 апреля].

Объяснения катастрофы действиями «нечеловеческих агентов» последовали не только от публичных лиц, обличающих «оскудевшую духом» Европу с позиции морального превосходства России. Телеведущая Ксения Собчак, далекая от квазихристианской риторики «духовности», не только проинтерпретировала пожар как «знак», посланный свыше, но и увидела «кармическую связь» между разрушением собора и политикой «гребаных социалистов», хозяйничающих во Франции:

[4] Комментарий посетительницы католического портала RencontrerDieu.com, 26 апреля 2019 https://www.rencontrerdieu.com/project/feu-notre-dame-avertissement-divin-preuve-divine-calendrier-juif/

[5] https://www.youtube.com/watch?v=Q6RP45zangs

[6] Нарочницкая является активным членом комиссии «По противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», известна своей борьбой за единый учебник истории для российских школьников и однозными высказываниями по историческим и общественно-политическим вопросам.

> Нотр-Дама не стало. И, конечно, потом найдут реальную причину «возгорания», но я эту причину на самом деле давно знаю. Моя любимая Франция стала такой страной, где бьют витрины дорогих бутиков просто потому, что они дорогие, каждую неделю бастуют обнаглевшие от собственной важности профсоюзы, налоги таковы, что успешные люди просто переезжают, а уволить человека стало почти невозможным. И я абсолютно убеждена, что это как-то кармически связано с тем, что сгорел шедевр, который всем своим видом представлял наглую роскошь[7].

Французские интернет-пользователи, близкие по своим политическим взглядам к тем самым «гребаным социалистам», на которых нападает Собчак, так же, как и она, полагают, что политика может стать причиной катастрофического пожара. Но поскольку их *в*идение политики Франции сильно отличается от того, как ее видит Собчак, то и причина пожара оказывается прямо противоположной: «Франция осталась равнодушной к несчастьям, о которых ей поведали "желтые жилеты" — люди, брошенные на произвол судьбы. Власть выказала не только бесчувствие, но и презрение к ним ‹…› Бог может наказывать. Верующие знают об этом, и теперь они должны смягчить его гнев»[8].

Как мы видим, носители самых разных политических взглядов разделили представление о том, что «подлинной» причиной пожара стала сумма политических действий, за которые люди были наказаны «нечеловеческим агентом» (или по поводу которых они получили от этого агента предупреждающий знак).

Заговор и поджог. Не менее спонтанно и быстро появились теории, объясняющие пожар действиями злонамеренных «человеческих агентов». Такие альтернативные версии возникли буквально в считанные часы после возгорания, а уже на следующий день, 16 апреля, американский сайт Snopes.com, посвященный опровержению слухов и городских легенд, выпустил материал с целой подборкой конспирологических теорий о причинах пожара в Нотр-Дам. На видео- и фотокадрах с горящим собором сторонники этих теорий увидели знаки, якобы неопровержимо указывающие на поджог. Одни уверяли, что видели фигуру стоящего на крыше «поджигателя»[9] (на самом деле это был пожарный); вторые указывали на цвет дыма и утверждали, что при случайном возгорании дым не был бы таким желтым; третьи распространяли скриншот с расписанием работы собора на 15 апреля, где красным кружком была обведена надпись о внеплановом закрытии собора с 17.30 до 18.30.

Неизменность, с которой теории заговора появляются после терактов, стихийных бедствий и техногенных катастроф, объясняется способностью этих теорий находить смысл в пугающих и непонятных событиях (и таким образом уменьшать неопределенность), а также указывать на конкретных виновников произошедшего (и тем самым позволять людям канализировать растерянность и гнев) [Ellis 2000, Campion-Vinsent 2005, Fine, Ellis 2010].

[7] https://www.gazeta.ru/culture/2019/04/16/a_12304147.shtml

[8] Комментарий читателя к статье Рено Бушара «Христианство в огне». Agora. Vox. https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/la-chretiente-en-flammes-notre-214330

[9] Отдельные пользователи увидели на этой фигуре желтый жилет, https://www.20minutes.fr/societe/2498187-20190417-gilet-jaune-tour-dame-pendant-incendie-gare-intox

Французская исследовательница Вероник Кампион-Венсан утверждает, что современные теории заговора чаще направлены против групп с высоким политическим и социальным статусом, чем против этнических или религиозных меньшинств, которые сейчас защищены правилами политической корректности [Campion-Vinsent 2005: 106]. Еще относительно недавно это было явно не так. Разбирая конспирологические сюжеты, связанные с событиями 11 сентября, Гэри Алан Файн и Билл Эллис выделяют три версии происхождения терактов: «арабскую» (19 террористам «Аль-Каиды» помогала разветвленная и тайная сеть пособников); антиправительственную (теракты организовало правительство США), и «еврейскую» (теракт организовал «Моссад» или группа могущественных евреев) [Fine, Ellis 2010: 57–69]. Но конспирология вокруг пожара в Нотр-Дам, скорее, подтверждает тезис Кампион-Венсан. «Еврейская» версия отсутствовала (или была настолько маргинальна, что обнаружить ее не удалось ни во франкоязычном, ни в русскоязычном сегменте интернета[10]). Арабы обвинялись только в злорадстве по поводу пожара, и хотя это злорадство и могло быть истолковано как знак причастности к заговору и поджогу, но не указывало на нее прямо. Прямые обвинения в организации катастрофы (с развернутой реконструкцией мотивации «злодеев») звучали только в адрес политических элит — французского правительства и лично президента Макрона.

Слухи о том, что арабы радовались трагедии, в большом количестве ходили по США после 11 сентября 2001. Тогда в разных штатах рассказывали, будто бы кто-то видел, как местные арабы публично выражали радость по поводу атак — пели, смеялись и танцевали, устраивали праздничные застолья в своих ресторанах [Fine, Ellis 2010: 57–59]. Неудивительно, что точно такие же истории появились на англоязычных сайтах после пожара в Нотр-Дам. Гораздо более удивительно, что истории о том, как арабы радуются на французских улицах, появились в русскоязычном информационном пространстве. Причем распространяли их, как водится, не только рядовые пользователи, но и СМИ с многомиллионной аудиторией и «эксперты» с учеными степенями. Так, уже упомянутая Наталья Нарочницкая в интервью «АиФ» рассказала:

> в соцсетях появлялись и фото ликующих людей с арабской внешностью, которые делали селфи на фоне пылающего собора, а в дополнение к ним — комментарии пользователей с исламскими именами, которые сообщали, что это, мол, самый счастливый день в их жизни, и выражали желание, чтобы когда-нибудь на месте Нотр-Дам поставили мечеть [Кожемякин 2019, 23 апреля].

Во франкоязычных соцсетях не было замечено так взволновавших российских «экспертов» историй про арабов, которые радуются на улицах. Этот сюжет здесь принял форму рассказа о радости арабов в соцсетях. Тысячи ретвитов и репостов в Facebook набрал пост, где утверждалось, что люди с арабскими именами реагируют смайликами на новость о пожаре в соцсетях (к посту прилагался скриншот с длинным рядом

[10] Не считая видео, автор которого объяснял, что Нотр-Дам подожгли евреи на Песах (материал набрал 3 просмотра на Youtube).

арабских имен, обладатели некоторых будто бы поставили смайлики под видео с горящим собором[11]). И хотя некоторые связали пожар в Нотр-Дам с пожаром в церкви Сан-Сюльпис и с актами вандализма в нескольких католических церквях (февраль-март 2019), версия «арабского теракта» напрямую не высказывалась. Враждебная этническая группа здесь обвинялась в неприятии французских ценностей, но не в поджоге.

«Антиправительственную» теорию пожара тоже разделили как французские, так и российские наблюдатели. Содержательно русские версии мало отличались от французских; разница заключалась в том, каким образом они распространялись.

Во французском информационном пространстве такая версия звучала с противоположных концов политического спектра — от объединенных неприятием политики Эммануэля Макрона крайне правых, с одной стороны, и от представителей лево-популистского движения «желтых жилетов», с другой. И те, и другие распространяли фотографию, где Макрон, идущий к горящему Нотр-Даму в сопровождении премьер-министра, якобы злорадно усмехается (иногда такая фотография сопровождалась подписью «Франция плачет, а макрон и премьер-злодистр смеются»)[12]. Но в случае с Макроном обвинения не ограничились историей о злорадстве: он, по мнению многих, получил от пожара прямую выгоду. Дополнительным основанием для подобных рассуждений стал тот факт, что на вечер 15 апреля было назначено телеобращение Эммануэля Макрона к нации, в котором президент должен был прокомментировать ситуацию с массовыми протестами в стране, и которое было отменено из-за пожара. Конечно, решили многие протестующие, президент организовал пожар, чтобы оттянуть «момент истины». Звучала и обычная для всех пост-катастрофических конспирологий идея, согласно которой правительство устроило пожар, чтобы отвлечь граждан от реальных социальных проблем и от участия в массовых протестах.

При знакомстве одновременно с французскими и российскими конспирологическими объяснениями пожара заметно, что первые делаются гораздо стыдливее и тише, чем вторые. Дело здесь, видимо, в разном статусе конспирологических нарративов в России и в западном мире. Так, если, например, в США конспирологические нарративы исходят главным образом от маргинальных групп, критикующих официальные интерпретации событий от имени «простых» людей, то в России их производителями и распространителями нередко становятся представители политической элиты и публичные интеллектуалы, чьи высказывания регулярно транслируются мэйнстримными медиа [Yablokov 2018: 31]. Именно поэтому некоторые французские политические активисты, поддавшиеся обаянию конспирологических объяснений и озвучившие их в сетях, затем удаляли свои посты, понимая, что клеймо конспиролога может повредить их политической репутации[13]. И уж точно такие идеи не обсуждались всерьез в

[11] https://twitter.com/DamienRieu/status/1117852138531479552

[12] https://www.20minutes.fr/politique/2501035-20190420-emmanuel-macron-edouard-philippe-rigole-incendie-dame

[13] https://www.ouest-france.fr/faits-divers/incendie/incendie-de-notre-dame-de-paris/notre-dame-de-paris-theories-du-complot-et-interpretations-insidieuses-se-multiplient-6312212

крупных СМИ типа Le Mond, Figaro или Libération. Российские любители конспирологических объяснений посты не удаляют, а рассуждения о том, что пожар был организован президентом Макроном и его правительством, можно было услышать в новостных выпусках на федеральных каналах, например, в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» на канале "Россия-1"»[14].

Сопереживание, помощь и скорбь: альтернативные объекты

Пожар в Соборе Парижской Богоматери, к счастью, не унес ни одной человеческой жизни. Однако воспринимался он как настоящая трагедия. В первые часы после возгорания слова сожаления и поддержки (фактически — соболезнования) французам высказали многие главы государств и мэры крупных городов мира, а также международные общественные деятели и организации. Официальные церемонии, которые проводились во Франции после пожара, формально мало отличались от традиционных траурных ритуалов, объектом поминовения которых являются люди. 18 апреля в Париже прошла церемония в честь собора с участием мэра и министра внутренних дел. В это время звонили все колокола всех соборов Франции, а в честь пострадавшего собора были отслужены мессы. Несколько архитектурных памятников мирового значения (Эмпайр Стэйт Билдинг, Венецианская опера) были расцвечены в цвета французского флага, как это обычно делается после терактов или катастроф с человеческими жертвами.

Публика, наблюдавшая пожар в онлайн-трансляции, в репортажах СМИ или на улицах французской столицы, выражала сильнейшие эмоции и активно сопереживала происходящему. Тысячи людей, вышедшие на улицы Парижа во время пожара, коллективно плакали, молились и пели. Через несколько часов после возгорания президент Франции Эммануэль Макрон в сопровождении премьер-министра приехал на место трагедии и произнес речь, в которой назвал горящий собор «частью нас самих». Это сравнение, которое президент повторил в своем официальном Твиттер-аккаунте[15], стало использоваться журналистами и рядовыми интернет-пользователями. Французские СМИ говорили, что Нотр-Дам — это «сама Франция», «душа Франции» и «душа Европы», и называли произошедшее «нашей драмой» (Notre Drame).

Однако довольно быстро в сети появилось множество высказываний, оспаривающих как «драматический» статус события, так и его важность для «нас». Авторы таких высказываний утверждали, что в мире существуют объекты, гораздо больше достойные публичного внимания и помощи, чем сгоревший Нотр-Дам.

[14] https://russia.tv/article/show/article_id/65652/?fbclid=IwAR0KKEZO9iLyEewTB5Q632vrW3cb6ZLc7OjTs35VHyhWjfvI1KRxCjPkiBI

[15] https://twitter.com/EmmanuelMacron/status/1117851407644684288?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1117851407644684288&ref_url=https%3A%2F%2Fnat-geo.ru%2Faccidents%2Fpozhar-v-notr-dam-de-pari-itogi%2F

Альтернативные объекты скорби: люди и другие соборы. Триггером для таких дискуссий среди французских интернет-пользователей стала новость о сумме пожертвований, собранных на восстановление собора: уже на следующий день после пожара она составляла 700 миллионов евро[16]. Главными меценатами стали большие французские корпорации (l'Oréal, Louis Vuitton, Michelin и др.), крупные банки, национальные и региональные фонды; также пожертвования сделали несколько американских фондов и компания Apple. Реакцией на новость о собранных 700 миллионах евро стало множество возмущенных постов, которые разными словами выражали одну и ту же идею: безнравственно жертвовать такие суммы денег на восстановление собора, в то время как во Франции и/или в странах Третьего мира страдают люди. В свете этой идеи щедрый жест французских миллионеров стал расцениваться как акт лицемерия и даже презрения:

> Миллиардеры не хотят платить налоги[17] не только из жадности, но и из презрения. Они демонстративно выбирают то, что достойно «их» денег. Потратиться на собор, который находится в центре «их» богатого города — это да, это пожалуйста. Потратиться на социальные нужды провинциалов, живущих в нищете — нет, никогда[18].

Такие высказывания, как правило, исходили от пользователей левых политических взглядов, часто — принадлежащих к движению «желтых жилетов» или сочувствующих ему. 16–17 апреля в «желтожилетных» пабликах Facebook появились тексты типа «Мы живем в мире, где камни ценят больше, чем человеческие несчастья». Именование Нотр-Дама «камнями» в данном случае совсем не означало отрицания ценности собора. Скорее, «жилеты» попытались присвоить эту ценность, символически «отобрать» и собор, и право публично скорбеть о нем у «богатых дружков Макрона». 20 апреля «желтые жилеты» планировали устроить очередное шествие, которое предполагалось закончить у Нотр-Дама, чтобы «почтить это сокровище всего человечества». В обращении, призывающем принять участие в акции, слова о «безмерной печали» и «трагедии» соседствовали с обличениями щедрых меценатов:

> Мы замечаем, что когда речь идет о спасении камней и культурного наследия, пожертвования текут рекой, и что их намного меньше, когда нужно спасать людей и бороться с бедностью. Разве христианская миссия Нотр-Дама — не в том, чтобы помогать бедным и обездоленным? Нотр-Дам — это также и наше культурное богатство, это богатство всего народа! Давайте же почтим его, но разоблачим все уловки «благотворительности»[19].

[16] https://www.bfmtv.com/economie/notre-dame-de-paris-les-dons-d-argent-et-de-competences-affluent-pour-la-reconstruction-1674171.html

[17] Одно из главных требований к французскому правительству, звучащих «слева» — это введение налога на сверхприбыль, который был отменен Эммануэлем Макроном.

[18] https://twitter.com/Bassounov/status/1118924948159045632. Здесь и далее перевод с французского выполнен автором статьи.

[19] https://www.facebook.com/events/basilique-de-saint-denis/acte-23-gilets-jaunes-parcours-officiel-vers-notre-dame/558234701352676/

Но звучали и более радикальные высказывания, авторы которых имплицитно или эксплицитно протестовали против присвоения пожару статуса «нашей драмы». Одни такие авторы (назовем их «нигилистами») именовали разрушенный собор «грудой камней» и «деревяшками». Так, через несколько часов после начала пожара студентка Хафса Аскар, вице-президент Национального студенческого союза Франции, написала в своем Твиттере: «Ну, сейчас люди начнут плакать из-за деревяшек ‹…› Мне плевать на Нотр-Дам-де-Пари, потому что мне плевать на историю Франции или что там еще»[20]. В таком же духе высказался другой член студенческого союза: «Тоже мне катастрофа национального масштаба — у собора кровля сгорела»[21]. Однако эти высказывания не прошли «цензуру коллектива»: вызванное ими возмущение было таково, что «нигилисты» довольно быстро удалили свои посты.

Другие авторы (назовем их «оппозиционно скорбящие») делали высказывания, где отрицание «драматического» статуса пожара было имплицитным, а на эксплицитном уровне утверждалось альтернативное понимание национальной драмы. Таким было, например, выступление левого активиста Антуана Леомана на BFM TV: «Если взять эти 600 миллионов евро, которые группа кампаний Total дала на собор, и разделить на число бездомных во Франции, получится около 5600 евро на каждого из этих французских граждан, пребывающих в бедственном положении. Вот это *национальная драма* (выделено мной — *А. К.*)»[22].

Высказывания «оппозиционно скорбящих» оказались вполне приемлемыми. Собственно, главным образом из них и состояла дискуссия на тему «скорбеть ли по Нотр-Даму». И даже «нигилистка» Хафса Аскар, желая, видимо, сделать свое неудачное высказывание более конвенциональным, должна была предложить альтернативу всеобщей скорби и дать альтернативное определение национальной драмы — что она и сделала через неделю:

> Мой выбор — приберечь возмущение для человеческих драм, которые происходят в нашей стране каждый день, для убийственной социальной политики, для покалеченных участни(ц)ков митингов, для зарплат, которые понижаются и вынуждают семьи жить впроголодь, для умерших от непосильной работы, для чрезвычайных экологических ситуаций, для беже(нок)нцев и для бездомных, которые брошены подыхать на улице... Вот что задевает мою чувствительность, и это мое право[23].

Упреки, обращенные к тем, кто заботится о сгоревшем соборе, но не заботится о людях, не ограничились интернет-пространством. Через неделю после пожара французские активисты помощи бездомным провели возле обгоревшего собора акцию под лозунгами «Нотр-Дам без крыши, и мы тоже» и «Миллиард для Нотр-Дам, ноль для бездомных»[24].

[20] https://www.lepoint.fr/societe/notre-dame-les-tweets-les-plus-consternants-16-04-2019-2307935_23.php

[21] https://www.lepoint.fr/societe/notre-dame-les-tweets-les-plus-consternants-16-04-2019-2307935_23.php

[22] https://twitter.com/Gabriel_Bleron/status/1120352933424529410

[23] https://blogs.mediapart.fr/hafsa-askar/blog/220419/sauvons-la-liberte-la-liberte-sauve-le-reste-victor-hugo?utm_source=twitter&utm_medium=social&utm_campaign=Sharing&xtor=CS3-67

[24] https://twitter.com/federationdal/status/1120268009875099649?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwterm%5E1120268009875099649&ref_url=https%3A%2F%2Ffrancais.rt.com%2Ffrance%2F61336-notre-dame-est-sans-toit-nous-aussi-dal-manifeste-pour-sdf-devant-cathedrale

Пока одни возмущенные суммой пожертвований пользователи предлагали вместо собора помогать бедным соотечественникам, другие сосредоточились на еще одном традиционном для европейских «левых» объекте сопереживания — на детях из стран Третьего мира. Они постили на своих личных страницах Facebook и Twitter демотиваторы, где изображение горящего собора соседствовало с фотографией умирающего от голода чернокожего ребенка. Сопровождались такие фотоколлажи надписями типа «миллионы евро на восстановление собора и ни одного на ребенка, умирающего от голода!».

Если во Франции тексты об «альтернативных» объектах сопереживания появились после новости о многомиллионных пожертвованиях, собранных на восстановление собора, то аналогичные тексты в России стали реакцией на предложение Владимира Путина отправить во Францию «лучших российских реставраторов». Как и французские пользователи, многие наши соотечественники говорили о том, что объектами скорби и помощи должны быть не здания, а люди. Это были как «умеренно-оппозиционные» высказывания («пожар в Нотр-Дам — это трагедия, но люди важнее»), так и радикальные отрицания «драматического» статуса пожара («Нотр-Дам — это вообще не трагедия, потому что в мире страдают и умирают люди»).

Умеренные российские «оппозиционеры» всеобщей скорби по собору указывали на то, что наши соотечественники страдают от бедности, а потому заслуживают большего внимания властей: «Путин предложил помощь Франции в восстановлении Нотр-Дам ‹…› Лучше подумал бы, как помочь прожить бедным пенсионерам на 12 тыс. руб в месяц, которые платят при этом за ЖКХ по 3–5 тыс. руб»[25]. Заметим, что точно такой же мотив — власти страны должны переключиться с восстановления собора на помощь бедным гражданам — звучал в высказываниях французов.

И точно так же, как «левые» французы, некоторые россияне обвинили скорбящую по Нотр-Даму публику в равнодушии к трагедиям, происходящим в странах Третьего мира. В их высказываниях также появилась уже знакомая нам оппозиция «скорбеть о людях — скорбеть о камнях»: «Почти 500 человек пострадало сегодня в Шри-Ланке после взрывов, но всем насрать, ведь это не Нотр-Дам, который просто сгорел. Ценность людских жизней теперь определяется по месту жительства. И ни один «не лицемерный» комментатор не напишет пост о том, как он грустит», — написал русскоязычный пользователь Twitter[26]. Автор этого текста предлагает «альтернативный» объект для скорби и обвиняет скорбящих о соборе, который «просто сгорел», в лицемерии. В более радикальной версии отрицается этическая возможность рассматривать разрушение любых архитектурных объектов как трагедию (потому что трагедия — это гибель людей):

[25] https://twitter.com/eremeytseva/status/1118112022200242176

[26] https://twitter.com/search?q=%D0%BD%D0%BE%D1%82%D1%80%20%D0%B4%D0%B0%D0%BC&src=typd

> Плохо, что храм Христа Спасителя был разрушен. Но не трагедия. Много чего плохого, что не трагедия. Трагедия — это Хатынь. Это миллионы пропавших без вести, это 2 мая в Одессе, это Зимняя Вишня в Кемерово. Это ансамбль Александрова и доктор Лиза. Вот это все более трагично, чем пожар вчера[27].

Таким образом для русскоязычных «оппозиционеров» — так же, как и для франкоязычных — альтернативой «скорбеть о соборе» стало «скорбеть о людях». Но русскоязычные пользователи добавили к этому еще один «альтернативный» объект помощи и скорби — российские памятники архитектуры, сгоревшие, разрушенные или ветшающие: «В Мурманске, который сам выглядит, как после стихийного бедствия, горит старая заброшенная церковь, последний раз видевшая ремонт еще во времена "до гражданской войны". Но российские реставраторы сюда не приедут. Это же не пострадавший от пожара Нотр-Дам»[28]. Интернет-пользователи постили целые подборки с фотографиями разрушенных русских церквей и памятников архитектуры. Некоторые при этом прямо призывали обратить на собственные памятники ту скорбь, которая направлена на Нотр-Дам. Так сделал пользователь Twitter, разместивший фотографии разрушенного здания синагоги: «Самарская синагога сегодня. Зачем нам скорбеть по Нотр-Даму, когда у нас своих не счесть?»[29].

Всем смотреть сюда: оппозиционная скорбь как борьба за внимание

Итак, внимание мировых СМИ и интернет-пользователей, деятельное участие правительств, президентов и больших корпораций в судьбе собора — все это запустило дискуссию о том, достоин ли Нотр-Дам таких объемов внимания, помощи и скорби. Сомневающиеся обсуждали, является ли пожар трагедией, нужно ли скорбеть о «камнях» Нотр-Дама, или же нужно скорбеть о каких-то других памятниках, или же «камни» вообще недостойны скорби, а скорбеть следует только о людях и только людям помогать. Но за всеми этими дискуссиями просматривается нечто гораздо менее очевидное. Во всех таких текстах внимание и деятельное участие «сильных мира сего» в судьбе собора выступают как некоторый полезный ресурс (символический и материальный), который следует перенаправить на другие, более важные объекты. Одни считают, что этот ресурс должен быть потрачен на малообеспеченных соотечественников, вторые указывают на страдания и гибель людей в странах Третьего мира, третьи — на менее известные памятники архитектуры. Но именно предложением «альтернативных» объектов внимания и завершается большая часть дискуссий вокруг сгоревшего Нотр-Дама.

Этого ресурса (внимания общественности, правительств и СМИ) до пожара в соборе Парижской Богоматери не существовало. Он появился благодаря этой катастрофе (и появляется каждый раз после медийных

[27] https://twitter.com/orgstruk/status/1118069259836563456

[28] https://twitter.com/search?q=%D0%BD%D0%BE%D1%82%D1%80%20%D0%B4%D0%B0%D0%BC&src=typd

[29] https://twitter.com/ilyasuldin/status/1118159711411613696

катастроф подобного масштаба). Но как только он стал видимым, за него тотчас же развернулась борьба, каждый участник которой заявлял: «Отвлекитесь от Нотр-Дама и посмотрите на то, что действительно нуждается в сочувствии и помощи». В отдельных случаях такие заявления звучали от первого лица и формулировались как «отвлекитесь от Нотр-Дама и посмотрите на меня, потому что я нуждаюсь в вашем внимании больше». Например, автор следующего текста, обращаясь к мировой общественности, прямо призывает ее переключить свое внимание с горящего собора на войну в Донбассе — или же использует Нотр-Дам в качестве своеобразного «тэга», способного это внимание привлечь:

> Мы не горящий Нотр-Дам де Пари.. МЫ ДОНБАСС, залитый кровью от ВОЙНЫ! ДА УСЛЫШЬТЕ МИР! ВСЕ ЛЮДИ... Нас БОМБЯТ! И БОМБЯТ! У нас ужас, боль и страх за детей! Вновь разбитые дома, снова слёзы матерей. Снова смерть, и так каждый день» Пять лет наш край убивают! Остановите ВОЙНУ[30].

Питерский уличный художник, сделавший на руинах Потемкинского дворца граффити «Je suis Notre Dame», использовал отсылку к пострадавшему собору в качестве «аттрактора внимания», о чем прямо сообщил журналистам: «эта сочувственная фраза от имени разрушенного памятника призвана обратить внимание на печальную судьбу отечественного архитектурного наследия» [Светлова 2019, 22 апреля].

Заключение

Пожар в Соборе Парижской Богоматери вызвал не только отчаяние и скорбь миллионов людей, наблюдавших эту катастрофу на экранах разнообразных устройств, но и поиск ее альтернативных причин, а также многочисленные выражения «оппозиционной скорби».

Языками для поиска «подлинных» причин катастрофы, наделяющих ее целесообразностью и смыслом, стали конспирология и религия. В русскоязычном информационном пространстве, в отличие от франкоязычного, такие альтернативные версии продвигались не только отдельными религиозными и политическими группами, но и государственными СМИ с многомилионной аудиторией.

Разбор высказываний «оппозиционной скорби» позволяет сделать два наблюдения. Во-первых, внимание СМИ, готовность правительств, президентов и больших корпораций помогать жертве катастрофы воспринимается «оппозиционерами» как ценный лимитированный ресурс, который следует перераспределить — в данном случает, отнять у собора и направить на другие, более достойные объекты. Этот ресурс возникает (или становится заметным) именно благодаря катастрофе: внимание и сочувствие появляются точно так же, как сотни миллионов евро, о существовании которых до пожара в Нотр-Дам мало кто задумывался (по крайней мере, французские миллиардеры не сообщали публике о готовности расстаться с ними). Во-вторых, как только этот ресурс

[30] https://twitter.com/MrVlad06/status/1120738059593617409

появляется, становится невозможным просто отрицать драматический статус события. Нельзя нигилистически заявить: «Да плевать я хотел на этот Нотр-Дам, никакой драмы здесь нет». За ресурс нужно бороться, то есть предлагать «альтернативные объекты» для его использования. Поэтому «оппозиционеры» говорят: «Настоящая драма — это X, эмоции и деньги нужно расходовать не на Нотр-Дам, а на X» (или, в некоторых вариантах, «настоящая драма — это то, что происходит со мной, эмоции и деньги нужно расходовать на меня»). Эту установку (несмотря на некоторые различия в характере предлагаемых «альтернативных объектов») разделили и русскоязычные, и франкоязычные интернет-пользователи.

Литература

Кожемякин, В. (2019, 23 апреля). Нотр-Дам-де-Гори. Историк — о пожаре, ставшем символом кризиса Запада. *Аргументы и факты*. Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/world/notr-dam-de-gori_istorik_o_pozhare_stavshem_simvolom_krizisa_zapada

Панченко, А. А. (2015a). Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах. *Антропологический форум, 2015*(27), 122–141.

Панченко, А. А. (2015b). *«Теория заговора» и современная религиозная культура* [Лекция, прочитанная в Европейском университете в С.-Петербурге 9 июня 2015]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=9f9WyQPJkiA

Светлова, Л. (2019, 22 апреля). На руинах Потемкинского дворца появилось граффити «Я — Нотр Дам». *МК-Петербург*. Режим доступа: https://spb.mk.ru/social/2019/04/22/na-ruinakh-potemkinskogo-dvorca-poyavilos-graffiti-ya-notrdam.html

Allport, G., Postman, L. G. (1947). *The psychology of rumor*. New York: Holt.

Campion-Vincent, V. (2005). From evil others to evil elites: A dominant pattern in conspiracy theories today. In G. A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath (Eds.). *Rumor mills: The social impact of rumors and legends*, 103–122. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction.

Ellis, B. (2001). A model for collecting and interpreting World Trade Center disaster jokes. *New Directions in Folklore, 2001*(5). Retrieved from http://pascalfroissart.online.fr/3-cache/2001-ellis.pdf

Ellis, B. (2002). Making a Big Apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2002*(6). Retrieved from https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/ndif/article/view/19883/25953

Ellis, B., Fine, A. G. (2010). *The global grapevine: Why rumors of terrorism, immigration, and trade matter*. Oxford: Oxford University Press.

Yablokov, I. (2018). *Fortress Russia: Conspiracy theories in the Post-Soviet world*. Cambridge: Polity.

References

Allport, G., Postman, L. G. (1947). *The psychology of rumor.* New York: Holt.

Campion-Vincent, V. (2005). From evil others to evil elites: A dominant pattern in conspiracy theories today. In G. A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath (Eds.). *Rumor mills: The social impact of rumors and legends*, 103–122. New Brunswick, NJ: Aldine Transaction.

Ellis, B. (2001). A model for collecting and interpreting World Trade Center disaster jokes. *New Directions in Folklore, 2001*(5). Retrieved from http://pascalfroissart.online.fr/3-cache/2001-ellis.pdf

Ellis, B. (2002). Making a Big Apple crumble: The role of humor in constructing a global response to disaster. *New Directions in Folklore, 2002*(6). Retrieved from https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/ndif/article/view/19883/25953

Ellis, B., Fine, A. G. (2010). *The global grapevine: Why rumors of terrorism, immigration, and trade matter*. Oxford: Oxford University Press.

Kozhemiakin, V. (2019, April 23). *Notre-Dame-de-Burn. A historian dwells on the fire that has become a symbol of the West's crisis. Arguments and Facts*. Retrieved from http://www.aif.ru/politics/world/notr-dam-de-gori_istorik_o_pozhare_stavshem_simvolom_krizisa_zapada (In Russian).

Panchenko, A. (2015a). "The Beast computer of Brussels": Eschatology and conspiracy theories in contemporary religious culture. *Forum for Anthropology and Culture, 2015*(27), 122–141. (In Russian).

Panchenko, A. (2015b). "*Conspiracy theory" and contemporary religious culture* [Lecture delivered at the European University in St.-Petersburg on 9 June]. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=9f9WyQPJkiA (In Russian).

Svetlova, L. (2019, April 22). Graffiti "I am Notre-Dame" appeared on the ruins of the Potemkin Palace. *MK-Petersburg*. Retrieved from https://spb.mk.ru/social/2019/04/22/na-ruinakh-potemkinskogo-dvorca-poyavilos-graffiti-ya-notrdam.html (In Russian).

Yablokov, I. (2018). *Fortress Russia: Conspiracy theories in the Post-Soviet world*. Cambridge: Polity.